

КНИЖНОЕ ДЕЛО ЛАТГАЛИИ В ЭПОХУ ЗАПРЕТА ЛАТИНСКОГО ШРИФТА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР (1904–2004)

ВИЕСТУРС ЗАНДЕРС

Латвийский университет, Отделение библиотечно-информационных наук
Lomonosova iela 1, Riga LV-1019, Latvija
E-mail: vicsturs.zanders@lu.lv

Исследование книжного дела восточной части Латвии – Латгалии всегда было тесно связано с изучением истории книжного дела всей Латвии. Первые десятилетия 20 века знаменательны созданием объёмистых указателей национальной ретроспективной библиографии, в качестве примера назовём «Указатель латышской литературы» („Latviešu rakstniecības rādītājs“, 1924–1937) известного библиофила Яниса Мисиньша (*Jānis Misiņš*, 1862–1945). В то же время накапливается фактический материал, необходимый для изучения истории книги.

Публикации по книжному делу начала XX века носят обзорный характер. В некоторых из них упомянут период запрета латинского шрифта с 1865 по 1904 год, когда в Латгалии, так же как в Литве, книги разрешалось печатать только кириллицей. Так «Энциклопедический словарь» Рижского Латышского общества в 1908 году выявляет воздействие запрета на хозяйственное и культурное развитие Латгалии. В свою очередь католический священник Францис Трасунс (*Francis Trasuns*, 1864–1926), способствовавший отмене запрета, сетует на трудности распространения календаря („Daugavas katoļu kalendārs“, Roga, 1899–1903), издание которого он добился еще до отмены запрета. Более подробно период запрета в своем очерке „Latgalieši“ («Латгальцы», 1910) одним из первых рассматривает публицист и литератор Францис Кемпс (*Francis Kemps*, 1876–1952) [4]. По его усмотрению, отмена запрета латинского шрифта ознаменовала начало национального пробуждения в Латгалии. В своем очерке Ф. Кемпс высказывает мнение, что первоначально запрет не коснулся Латгалии и книги для этого региона свободно печатались и распространялись вплоть до 1870 года. К сожалению, это явно спорное утверждение мы опять встречаем в книге Ф. Кемпа „Latgales likteņi“ («Судьбы Латгалии»), изданной в 1938 году и повторно опубликованной в 1991 году.

Довольно широко в латышской печати отмечается десятая годовщина отмены запрета в 1914 году. По поводу этой даты предлагается также изложение доклада литовского этнографа и библиотекаря Эдуарда Вольтериса (*Eduardas Volteris*, 1856–1941) о первом десятилетии возрожденного литовского книжного дела, прочитанного им на заседании Русского библиологического общества в Петербурге [11]. Любопытно, что десять лет спустя, в 1924 году на первом конгрессе сближения латышей и литовцев в Риге литовский книжник Пятрас Русецкас (*Petras Ruseckas*, 1883–1945) выступит с докладом о запрете латинского шрифта в Литве [8].

Более совершенную фактологическую информацию и тем самым новые возможности для более точных заключений предлагают публикации некоторых историков и литературоведов 30-х годов. Широкая база источников использована в пространной статье приват-доцента Латвийского университета, директора Исторического архива Латвии Яниса Берзиньша (*Jānis Bērziņš*, 1883–1941), посвященной попытке ввести кириллицу в Литве и в Латгалии. Эта статья была опубликована в журнале Министерства просвещения в 1930 году [1]. Отметим, что после окончания Тартуского университета Я. Берзиньш с 1913 по 1915 год преподавал историю в нескольких учебных заведениях Вильнюса, а потом некоторое время работал в библиотеке Тартуского университета.

Предпосылки введения запрета латинского шрифта Я. Берзиньш рассматривает в контексте межнациональных отношений в Литве до известного польского восстания 1863 года, а также более подробно разбирая социокультурные взгляды некоторых представителей латышской интеллигенции. Среди них: учитель, позже цензор латышских изданий Григорий Пассит (*Grigorijš Pasiņš*, 1836–1908) и фольклорист, многолетний заведующий Центрального архива Вильнюса Янис Спрогис (*Jānis Sproģis*, 1833–1918). Разъясняя отношение обоих к возможности использования в латышских изданиях кириллицы, Я. Берзиньш указывает на их происхождение из среды православных латышей (заметим, что в православной семье родился и сам историк). Привлечение документов Я. Спрогиса, хранящихся в библиотеке Вильнюсского университета, а также в Историческом архиве Латвии, позволяет Я. Берзиньшу показать некоторую эволюцию в постановке Я. Спрогиса на использование кириллицы в латышском книжном деле.

Детально период запрета латинского шрифта в своей книге „Latgale” («Латгалия», 1933) рассматривает литературовед Альфред Гоба (*Alfrēds Goba*, 1889–1972) [2]. По его убеждению, с помощью запрета царская администрация пыталась ослабить влияние польской культуры в Латгалии.

Более подробно чем в публикациях других авторов А. Гоба характеризует книги, напечатанные во время запрета за пределами Латгалии.

В 30-х годах эпоха запрета латинского шрифта отражена как в обобщающих работах по истории литературы всей Латвии („Latviešu literatūras vēsture”, 4.sēj., 1936) или только лишь Латгалии (Meikuļa Apeļa „Latgāļšu literatūras vēsture”, 1935), так и во справочной литературе и в печати.

Как и прежде, и в 30-х годах некоторые публикации затрагивают период запрета в Литве. Здесь назовем лишь статью Костаса Корсака (*Kostas Korsakas*, 1909–1986) о литовской печати и краткое упоминание библиофила Станислова Диджюлиса (*Stanislovas Didžiulis*, 1850–1927) в статье Вацловаса Биржишки (*Vaclovas Biržiška*, 1884–1956), опубликованных в энциклопедическом словаре („Latviešu konversācijas vārdnīca“) известного латышского книгоиздателя Ансиса Гулбиса (*Ansis Gulbis*, 1873–1936). Как самый мрачный век в жизни литовского народа эпоху запрета описывает журналист и переводчик рассказов Жемайте и А. Венуолиса на латышском языке Янис Спрогис (*Jānis Sprogis*, 1884–1967) [10].

Значительным событием в истории латышской библиографии является опубликование указателя книг на латгальском языке („Grāmatas Latgales latviešiem“) в 1938 году, составленного известным педагогом и общественным деятелем Валерии Сейле (*Valerija Seile*, 1891–1970). Данный указатель включающий свыше 1100 названий книг и периодических изданий на латгальском языке, опубликованных с 1585 по 1936 год, стал существенным источником по изучению книжного дела Латгалии.

Данные этого указателя легли в основу нескольких обзоров книг на латгальском языке самой В. Сейле, опубликованных в сборнике статьей, посвященному сорокалетию отмены запрета в 1944 году [7]. Как это не парадоксально, именно период нацистской оккупации знаменателен подъёмом в книжном деле Латгалии. Свыше 30 книг в течении нескольких лет в городе Даугавпилс выпускает издательство Владислава Лоциса (*Vladislavs Locis*, 1912–1984), созданное в конце 30-х годов. Именно издательство В. Лоциса становится главным организатором торжеств по случаю круглой даты отмены запрета, а вышеупомянутый сборник, подготовленный этим издательством, является одним из самых значительных публикаций по истории латгальской книги до сих пор.

Следует отметить, что эпоха запрета в этом сборнике рассматривается в контексте общего развития литературы Латгалии. Автором обширнейшей статьи в этом сборнике является историк Болеслав Брежго (*Boleslavs Brežgo*, 1887–1957), который к периоду запрета обратился уже в 20-х

годах, описывая контрафакцию (т.н. Rožanc) начала 90-х годов XIX века. В своей статье Б. Брежго определенное место уделяет также начинаниям некоторых латгальских крестьян в создание рукописной литературы. Более подробно этот феномен книжного дела Латгалии эпохи запрета охарактеризован в статье позже известного писателя Антона Рупайниса (*Antons Rupainis*, 1906–1976), особо выделяя двух деятелей: Андривиса Юрджса (*Andriivs Jūrdžs*, 1845–1925) и Питерса Миглиникса (*Pīters Miglinīks*, 1850–1883). Заметим, что П. Миглиникса Рупайнис позднее изобразил в некоторых своих произведениях. В сборнике 1944 года помещена также статья молодого филолога Микелиса Букша (*Mikēlis Bukšs*, 1912–1977), ставшего после Второй мировой войны в эмиграции одним из ведущих исследователей периода запрета.

Этой теме посвящен не только отдельный очерк М. Букша („Drukas aizlīgums latgalim“), опубликованный в 1949 году, но также некоторые главы в его монографическом труде по истории латгальской литературы („Latgaļu literatūras vēsture“, 1957) и в книге, посвященной руссификации балтийских стран („Die Russifizierung in den Baltischen Ländern“), вышедшей на немецком языке в 1964 году. Благодаря стараниям М. Букша, период запрета развернуто характеризуется также в латышской энциклопедии („Latvju enciklopēdija“) вышедшей в 80-х годах в США. Настойчивость с которой М. Букш снова возвращается к этой теме действительно поражает. Всё же надо признать, что информационная насыщенность публикаций М. Букша отстаёт от их количества.

Сам М. Букш после войны проживал в Стокгольме, но все его книги опубликованы были издательством руководимым В. Лоцисом, который в свою очередь нашел пристанище в Германии. С 1955 года это издательство известно под именем паевое товарищество „Latgaļu izdevniecība“ (Латгальское издательство). Заметим, что В. Лоцис является одним из инициаторов фонда А. Юрджса, основанного весной 1949 года в одном из лагерей для т.н. перемещенных лиц в Баварии. Накануне пятидесятилетия отмены запрета фонд объявляет конкурс в области научных исследований и художественных произведений. Победителями конкурса становятся уже упомянутый М. Букш и языковед Леонард Латковскис (*Leonards Latkovskis*, 1905–1991). Однако такого рода активности на изучение книжного дела Латгалии влияют совсем немного.

Пятидесятилетие отмены запрета в 1954 году было торжественно отмечено латышскими эмигрантами в Канаде (в городах Виннипег и Торонто), в Австралии, Германии и Швеции. На вечере памяти в Стокгольме среди прочих выступил также представитель литовского общества

Юзас Лингис (*Juozas Lingis*, 1910–1998). Годом позже фонд А. Юрджса выпустил юбилейный сборник статей, в котором даны несколько обзоров книжного дела Латгалии не только эпохи запрета, но также последующих периодов развития [5].

Сборник посвященный литературе Латгалии был издан также в Риге в 1958 году. Но именно тогда начинается новый, официально не провозглашенный период запрета печати текстов на латгальском письменном языке.

Поэтому почти только на уровне благих намерений остается целая программа мероприятий по поводу семидесятилетия отмены запрета в 1974 году, которую составил деятельный краевед Латгалии Степонс Сейль (*Stepons Seïls*, 1909–979) [6]. Год семидесятилетия ознаменуется небольшой статьей С. Сейльса в литературном журнале „Kaņogs“ [9], а также «визитом» сотрудников КГБ на его хуторе. В результате обыска была конфискована значительная часть библиотеки и рукописного собрания С. Сейльса, которая к счастью позже нашла приют в Отделе редких книг и рукописей Национальной библиотеки Латвии. Заметим, что поступок «кзгбистов» описан в заявлении руководителя Латгальского фонда культуры в эмиграции, вышеупомянутого В. Лоциса, на имя генерального секретаря ООН К. Вальдгейма. Любопытно, что в том же 1974 году на Запад попадает акт, подписанный начальником Главлита Латвийской ССР А. Луцевич, предполагающий уничтожить нескольких десятков книг, изданных латышскими эмигрантами и конфискованными из бандеролей в почтамте Риги. Этот документ, который особую огласку получает в следующем 1975 году на книжной ярмарке Франкфурта, дает возможность сравнить судьбы латышской книги в эпоху Реформации, когда в 1525 году уничтожению подверглись первые книги, напечатанные на латышском языке, и в условиях советского режима.

Эпоха запрета латинского шрифта в книжном деле Латгалии довольно широко отражена в трудах известного латышского книговеда Алексея Апиниса (*Aleksejs Apinis*, 1926–2004), в том числе в его монографии „Latviešu grāmatniecība“ (Латышская книга: от истоков до конца XIX века, 1977) и в сборнике статей, посвященном латышской рукописной литературе XVIII и XIX веков („Nepasot atļauju“, 1987). В свою очередь Латгальское издательство в Германии в 1986 году опубликовало объемистую (свыше 500 страниц) книгу „Andrivs Jūrdžs (1845–1925)“, которая всё-таки куда больше освещает многостороннюю деятельность вышеуказанного фонда А. Юрджса, нежели личность самого известного представителя латгальской рукописной литературы.

Качественно новый уровень изучения периода запрета латинского шрифта достигнут в совместном труде трёх авторов – А. Апиниса, Инари Клекере и Лилии Лимане „Rakstītājs no Naurēniem“ (Писатель из села Наургены, 1989), посвященному жизни и творчеству А. Юрджса. Здесь впервые дана всесторонняя оценка этой неординарной личности. В биографическом очерке среди прочих источников использованы фактологически ценные воспоминания внука А. Юрджса Иона Цибульскиса (*Jons Cibulskis, 1911–1997*). В приложение книги дан библиографический указатель всех рукописей А. Юрджса, которые сохранились и доступны изучению, и также тех, которые погибли в пожаре в середине 20-х годов.

В книге „Latgaliešu literatūra“ (Латгальская литература, 2003), авторами которой являются профессор Латвийского университета Янина Курсите и языковед Анна Стафецка, подчеркнута мысль о том, что именно рукописная литература во время запрета обеспечивала непрерывность процесса латгальской письменности и литературы, а также национальную идентичность. В свою очередь историк Регина Грейтяне считает, что отмена запрета дала новый импульс внедрению латинского алфавита в печатной продукции всей Латвии [3]. Следует упомянуть монографию историка Эрика Екабсона „Lietuvieši Latvijā“ (Литовцы в Латвии, 2003), где на основе документов Латвийского государственного исторического архива дана характеристика центров распространения литовской книги периода запрета в Латвии – в городах Рига и Елгава.

Накануне столетия отмены запрета в свет вышла факсимиле первой книги на латгальском письменном языке, напечатанной в 1753 году в Вильносе: „Evangelia toto anno...“. Само столетие было отмечено несколькими научными конференциями в Риге и в одном из культурных центров Латгалии – городе Резекне. Проблематику прошлого и настоящего культуры Латгалии в разных аспектах раскрыл особый день Латгалии, который прошел в Национальной библиотеке Латвии (автор идеи и организатор этого мероприятия – заведующая Отделом редких книг и рукописей библиотеки И. Клекере). Хочется надеяться, что все эти начинания помогут латвийскому обществу создать более полную картину развития книжного дела Латгалии в эпоху запрета латинского шрифта.

Статья вручена в январе 2005 года

ССЫЛКИ

1. BĒRZIŅŠ, J. Mēģinājums icest krievu burtus lcišu un latviešu rakstos. *Izglītības Ministrijas Mēnešraksts*. 1930, no. 1, p. 48–56; no. 2, p. 170–182; no. 3, p. 298–309; no. 4, p. 404–417; no. 5/6, p. 529–545.
2. GOBA, Alfrēds. Aizlieguma laika grāmatas un rokraksti. In GOBA, Alfrēds. *Latgale*. Rīga, 1933, p. 79–101.
3. GREITJĀNE, Reģina. Ilgais ceļš uz latīņu burtiem. Vēsturnicka ieskats 19. gs. 50. gados – 20. gs. 30. gados *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*. 1993, no. 1, p. 52.
4. KEMPS, F. Latgāliešu valoda un literatūra. In KEMPS, F. *Latgālieši: kultūrvēsturiska skice*. Rīga, 1910, p. 58–61.
5. *Kultūrvēsturiski materiāli: rakstu krājums latgaļu drukas aizlieguma <1865–1904> atceļšonas 50 gadu atcerai*. [Minhenc], 1955.
6. Latvijas Nacionālā bibliotēka, Reto grāmatu un rokrakstu nodaļa, RX A 296, 104.
7. *Rokstu krājums latgaļu drukas aizlieguma atceļšonas 40 gadu atcerai*. Daugavpils, 1944.
8. RUSECKAS, P. Spaudos uždraudimas ir tautiškas lietuvīų atgijmas. In *Pirmais latvju un lietuvju kongress*. Rīgā 1924.g. jūlija 25., 26. un 27. dienā. Rīga, 1924, p. 95–136.
9. SEIĻS, S. Ceļš uz kultūru. *Karogs*. 1974, no. 5, p. 163–166.
10. SPROĢIS, J. Drūmākais laikmets lietuvju tautas dzīvē. *Latvijas Kareivis*, 1937 16. februāri, no. 38, p. 2.
11. VOLTĒRS, E. Atjaunotās lcišu grāmatniecības pirmie desmit gadi. *Dzīmtenes Vēstnesis*, 1914 26. aprīli, no. 94; 3. maijā, no. 100.

LATGALĒ BOOK SECTOR DURING THE BAN OF LATIN SCRIPT: HISTORIOGRAPHY (1904–2004)

VIESTURS ZANDERS

Abstract

The research of Latgale book publishing, distribution and impact on the public has always been closely connected with the book history studies of the whole of Latvia. At the first decades of the 20th century comprehensive indexes of retrospective national bibliography were compiled, thus creating the necessary evidences for research.

The reviews of that time reflecting the development of Latvian books, naturally, mention also Latgale. Some publications state the impact of the ban of Latin script (1865–1904) on the economic and cultural slowdown in Latgale. The beginning of the national awakening is closely connected with the cancellation of the ban. At that time the abstracts of the reports of Eduardas Volteris (1856–1941) and Petras Ruseckas (1883–1945) on the process in Lithuania have been published.

New factologic information and interconnections are to be found in the works of Latvian historians and literature scientists of 1930s. The director of the State Archive Jānis Bērziņš (1883–1941) using huge evidence material including the handwritings from Vilnius and Riga manuscripts' collections depicts the vain attempts of tsarist Russia administration to introduce Cyrillic script. Literature historian Alfrēds Goba (1889–1972) considers the ban as the means to diminish the

influence of the Polish culture in Latgale. The historian Boļeslavs Brečģo (1887–1957) has turned to the research of this topic in 1930s.

The research works of B. Brečģo and several other authors are published in the selected works published on the occasion of the 40th anniversary of the cancellation of the ban of Latin script (1944). The review of the books published in the Latgalian dialect compiled by the bibliographer Valerija Seile (1891–1970) is also to be found in this publication.

During the soviet period the ban of script in Latgale is reflected in monographic publications (Aleksejs Apinis *Latviešu grāmatniecība*, 1977) and in the articles about the creators of hand-written books and literary workers of Latgale of that period of time. The inconvenience for research is the fact that existed a new not officially announced ban of script in 1950s concerning the texts in Latgalian written language. In 1974 soviet state security institutions confiscated a notable part of the collection of culture history evidences belonging to the researcher of Latgale locality Stepons Šeils (1909–1979).

Exile Latvians after the 2nd World War have arranged several competitions of fiction and research works connected with the ban of Latin script. But they have had a very small influence on Latgale book studies. The 50th anniversary since the cancellation of the ban of script in 1954 was celebrated in Canada, Sweden and Australia; the selection of the works dedicated to the event was published a year later.

In 1940s–1970s the culture historian Miķelis Bukšs (1912–1977) residing in Sweden regularly turned to the ban of script in his publications. His book on the russification of the Baltic states (1964) includes also the chapter about M. Muravjov's epoch in Lithuania and Latgale.

The monograph by the book scientists Aleksejs Apinis, Ināra Klekere and Lilija Limane *Rakstītājs no Nautrēniem* (1989) dedicated to the creator of Latgale hand-written books Andrivs Jūrdžs (1845–1925) reflects a new quality of the ban period book studies.

In 1990s several historians have also paid their attention to the period of the ban. Thus Reģina Greitjāne has made an attempt to prove that the cancellation of the ban has given a new stimulus for using the Latin script in all Latvian publications. Ēriks Jēkabsons on his turn in his monograph *Lietuvieši Latvijā* (1998) has given a broader characteristics of the centres of the distribution of Lithuanian books during the ban of script – Riga and Jelgava. Still we are to acknowledge that the historians in their publications after the re-establishment of Latvia statehood have not reflected the ban of Latin script fairly enough.

LATGALIJOS KNYGININKYSTĒ LOTYNIŠKO RAŠTO DRAUDIMO METAIS: ISTORIOGRAFIJA (1904–2004)

VIESTURS ZANDERS

Santrauka

Latgalijos knygų leidybos, platinimo ir poveikio visuomeni tyrimai visada buvo glaudžiai siejami su visos Latvijos knygos istorijos studijomis. XX a. pirmaisiais dešimtmečiais buvo sudarytos išsamios retrospektyviosios nacionalinės bibliografijos rodyklės, kuriose pateikti tyrimui būtini duomenys.

To laikotarpio apžvalgos, atskleidžiančios Latvijos knygos raidą, žinoma, taip pat mini Latgaliją. Kai kuriuose leidimuose nurodoma, kad lotyniško rašto draudimas (1865–1904) sulėtino Latgalijos ekonominę ir kultūrinę raidą. Nacionalinio atgimimo pradžia glaudžiai siejama su draudimo

panaikinimu. Tuo laiku buvo išleisti Eduardo Volterio (1856–1941) ir Petro Rusecko (1883–1945) ataskaitų apie šį procesą Lietuvoje referatai.

Naujus istoriografijos faktus ir sąvokas atskleidžia XX a. 4 dešimtmecio Latvijos istorikų ir literatūros tyrinėtojų darbai. Valstybės archyvo direktorius Jānis Bērziņis (1883–1941) panaudojo labai gausius faktinius duomenis, taip pat Vilniaus ir Rygos rankraščių rinkinių medžiagą, parodydamas nevaisingas carinės Rusijos administracijos pastangas įdiegti kirilicą. Literatūros istorikas Alfrēdas Goba (1889–1972) mano, kad lotyniško rašto draudimas tapo priemonė sumažinti Lenkijos kultūros įtaką Latgalijai. Istorikas Boļeslavs Brečgo (1887–1957) pradėjo tyrinėti šią temą taip pat 4-ajame dešimtmetyje.

Jo ir kelių kitų autorių darbai buvo išspausdinti rinkinyje, skirtame lotyniško rašto draudimo panaikinimo keturiasdešimtmeciu (1944). Jais taip pat pasirodė knygų, išspausdintų latgalių kalba, apžvalga, parengta bibliografas Valerijus Scile (1891–1970).

Sovietiniu laikotarpiu apie rašto draudimą Latgalijoje rašė Aleksejas Apinis monografijoje *Latviešu grāmatniecība* (1977) ir straipsniuose apie Latgalijos literatūrā rankraštinės knygas. Tyrimą trikdė tai, kad nuo 1950 m. egzistavo naujas neskelbtas draudimas spausdinti tekstus latgalių kalba. 1974 metais sovietinis saugumas konfiskavo didelę dalį Latgalijos tyrinėtojo Stepono Scilo (1909–1979) kolekcijos.

Po Antrojo pasaulinio karo Latvijos išciviai surengė kelis grožinės literatūros ir mokslinių darbų konkursus, susijusius su lotyniško rašto draudimu, tačiau jų įtaka Latgalijos knygos studijoms buvo nereikšminga. Draudimo panaikinimo 50-metis 1954 m. buvo paminėtas Kanadoje, Švedijoje ir Australijoje, dar po metų išleista šiam įvykiui skirtų darbų.

XX a. 5–7 dešimtmeciais Švedijoje gyvenęs kultūros istorikas Mikēlis Bukšas (1912–1977) savo darbuose nuolat grįždavo prie lotyniško rašto draudimo. Jo knygoje apie Baltijos valstybių rusifikaciją (1964) yra skyrius apie Muravjovo epochą Lietuvoje ir Latgalijoje.

1989 m. pasirodžiusi knygotyriminkų Aleksejo Apinio, Ināros Klckere ir Lilijos Limane monografija *Rakstītājs no Naurēniem* apie Latgalijos rankraštinę knygų kūrējā Andrivo Jūrdžo (1845–1925) atspindi naują draudimo laikotarpio knygų tyrimų kokybę.

XX a. 10 dešimtmetyje kai kurie istorikai taip pat atkreipė dėmesį į lotyniško rašto draudimo laikotarpį. Regina Greitjānc bandė įrodyti, kad draudimo panaikinimas tapo nauja paskata vartoti lotynišką raštą visuose Latvijos leidiniuose. Ērikas Jēkabsonas, savo ruožtu monografijoje *Lietuviēi Latvijā* (1998) plačiau apibūdino lietuviškų knygų platinimo centrus aptariamuoju laikotarpiu – Rygą ir Jelgavą. Tačiau reikia pripažinti, kad atkūrus Nepriklausomybę Latvijos istorikai nepakankamai dėmesio skyrė lotyniško rašto draudimo laikotarpiui.